

ФЛЭППЕРЫ И ФИЛОСОФЫ

Фрэнсис Скотт
Фицджеральд

Фрэнсис Скотт Фицджеральд
Флэпперы и философы

«Автор»

2026

Фицджеральд Ф.

Флэпперы и философы / Ф. Фицджеральд — «Автор», 2026

Дебютный сборник из восьми рассказов Фрэнсиса Скотта Фицджеральда об иллюзиях молодости и непростом взрослении в Америке двадцатых годов.

© Фицджеральд Ф., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Прибрежный пират	5
I	5
II	8
III	11
IV	15
V	19
VI	22
Ледяной дворец	28
I	28
II	32
III	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Фрэнсис Скотт Фицджеральд

Флэпперы и философы

Прибрежный пират

I

Эта невероятная история началась на море, похожем на лазурный сон, — столь же пленительно-ярком, как синие шелковые чулки, под небом не менее синим, чем радужки детских глаз. С западной половины неба солнце пускало по морю золотые диски-блинчики — если вглядеться, было видно, как они скачут с волны на волну, пока не сольются в широкое ожерелье золотой чеканки, собиравшееся в полумиле от берега и обещавшее превратиться в ослепительный закат. Примерно на полпути между побережьем Флориды и этим золотым ожерельем стояла на якоре белая паровая яхта, очень изящная и юная на вид; на корме, под белоголубым тентом, в плетеном шезлонге полулежала светловолосая девушка и читала «Восстание ангелов» Анатоля Франса.

Ей было около девятнадцати — тоненькая, гибкая, с капризным манящим ртом и быстрыми серыми глазами, полными сияющего любопытства. Босые ступни, скорее украшенные, чем обутые в голубые атласные туфельки, беспечно покачивавшиеся на пальцах ног, покоились на подлокотнике соседнего шезлонга. За чтением она время от времени подносила к языку половинку лимона, которую держала в руке. Вторая половинка, выжатая досуха, валялась на палубе у ее ног и едва заметно покачивалась в такт легчайшему колыханию волн.

Вторая половинка лимона уже почти лишилась мякоти, а золотое ожерелье на воде поражало своей шириной, когда сонную тишину, окутавшую яхту, внезапно нарушил звук тяжелых шагов: у трапа показался пожилой джентльмен с аккуратными седыми волосами, в белом фланелевом костюме. На миг он замер, давая глазам привыкнуть к солнцу, а затем, заметив девушку под тентом, издал протяжное и выразительное хмыканье, полное неодобрения.

Если он рассчитывал добиться хоть какой-то ответной реакции, его ждало разочарование. Девушка невозмутимо перелистнула две страницы вперед, одну назад, машинально поднесла лимон к губам и тихо, но вполне отчетливо зевнула.

— Ардита! — строго произнес седовласый джентльмен.

Ардита издала невнятный звук, не означавший ровным счетом ничего.

— Ардита! — повторил он. — Ардита!

Она лениво приподняла лимон и, прежде чем коснуться его языком, процедила:

— Да отстаньте вы.

— Ардита!

— Что?

— Ты соизволишь меня выслушать — или мне позвать матросов, чтобы тебя подержали, пока я говорю?

Лимон опустился — медленно и с крайним презрением.

— Изложите в письменном виде.

— Будь добра, прояви хоть каплю приличия: закрой эту мерзкую книгу и отложи свой чертов лимон на две минуты!

— О господи, неужели нельзя оставить меня в покое хоть на секунду?

— Ардита, мне только что передали телефонное сообщение с берега...

— Телефонное? — В ее голосе впервые промелькнул слабый интерес.

— Да, звонил...

— Хотите сказать, — перебила она с изумлением, — что они разрешили вам протянуть провод прямо сюда?

— Да, и как раз...

— А другие лодки об него не споткнутся?

— Нет. Он проложен по дну. Пять минут наза...

— Ну надо же! Черт возьми! Наука — золото, или как там у них говорят?

— Ты дашь мне сказать то, с чего я начал?

— Валяйте!

— Ну так вот... в общем, я здесь... — Он запнулся и несколько раз растерянно сглотнул. — Ах да. Юная леди, полковник Мореленд снова звонил и просил обязательно привезти тебя к обеду. Его сын Тоби приехал из самого Нью-Йорка специально ради встречи с тобой, и там будет еще много молодежи. В последний раз спрашиваю: ты пойдешь?..

— Нет, — отрезала Ардита. — Не пойду. Я согласилась на этот дурацкий круиз только ради Палм-Бич, и вы прекрасно об этом знали. Я категорически отказываюсь встречаться с каким-то замшелым полковником, его дурацким сыном Тоби или любой другой дурацкой молодежью в любом дурацком городишке этого безумного штата. Так что либо везите меня в Палм-Бич, либо замолчите и убирайтесь.

— Прекрасно. Это последняя капля. В своем ослеплении этим человеком — типом, известным своими скандальными выходками, человеком, которому твой отец запретил бы даже произносить твое имя вслух, — ты предпочла общество полусвета тому кругу, в котором выросла. Отныне...

— Знаю, — насмешливо перебила Ардита. — Отныне вы идете своей дорогой, а я своей. Слыхала уже эту сказочку. Сами знаете, я только об этом и мечтаю.

— Отныне, — провозгласил он с пафосом, — ты мне больше не племянница! Я...

— О-о-о-о! — Вопль вырвался у Ардиты с мукой грешника в преисподней. — Перестанете вы мне докучать?! Уберетесь вы наконец?! Не хотите прыгнуть за борт и утопиться?! Хотите, чтобы я запустила в вас этой книгой?!

— Только посмей сделать что-нибудь...

Хрясь! «Восстание ангелов» взмыло в воздух, разминулось с его носом на волосок и бодро запрыгало вниз по ступенькам трапа.

Седовласый джентльмен инстинктивно отпрянул, а затем сделал два осторожных шага вперед. Ардита вскочила — все пять футов и четыре дюйма ее роста выражали вызов, серые глаза пылали.

— Назад!

— Как ты смеешь! — вскричал он.

— Да потому что мне так, черт возьми, хочется!

— Ты стала невыносима! Твой характер...

— Вы сами меня такой сделали! Дети не рождаются с дурным характером — их портят взрослые! Что бы во мне ни было плохого, это ваша заслуга.

Бормоча что-то себе под нос, дядя повернулся, прошел на нос и громко потребовал катер. Затем он вернулся под тент, где Ардита снова уселась в шезлонг и принялась за лимон.

— Я уезжаю на берег, — медленно произнес он. — Вернусь в девять вечера. И как только вернусь, мы сразу берем курс на Нью-Йорк, где я сдам тебя с рук на руки тетке до конца твоих дней — вполне, впрочем, естественных. — Он помолчал, глядя на нее, и вдруг что-то в ее совершенно детской красоте пробило брешь в его гневе, точно иголка в надутый шине, оставив его беспомощным, растерянным и до смешного жалким.

— Ардита, — заговорил он уже мягче, — я ведь не дурак. Я повидал жизнь. Я знаю мужчин. Пойми, дитя мое, законченные распутники не исправляются, пока не устанут от жизни,

а когда устанут — они уже не люди, а пустые оболочки. — Он посмотрел на нее в надежде на согласие, но, не заметив ни малейшего отклика, продолжил: — Возможно, он любит тебя — вполне допускаю. Но он любил многих женщин и полюбит еще немало. Меньше месяца назад — всего месяц назад, Ардита! — он был замешан в скандальной интрижке с этой рыжей девицей, Мими Меррил; обещал подарить ей бриллиантовый браслет, который русский царь преподнес его матери. Ты же знаешь, ты читаешь газеты.

— «Захватывающие разоблачения от встревоженного дядюшки», — зевнула Ардита. — Продайте сценарий в кино. Коварный прожигатель жизни соблазняет девушке-флэппера. Невинная девушка-флэппер окончательно очарована его бурным прошлым. Тайное свидание в Палм-Бич. Вмешательство благородного дядюшки.

— Ты можешь объяснить, какого черта тебе приспичило за него замуж?

— Понятия не имею, — бросила Ардита. — Может, потому, что он единственный из всех моих знакомых, хороших или дурных, у кого есть воображение и смелость поступать так, как хочется. А может, просто чтобы сбежать от малодушных идиотов, которые днями напролет таскаются за мной по всей стране. Что же до знаменитого русского браслета, можете не беспокоиться. Он отдаст его мне в Палм-Бич — если вы соизволите проявить хоть каплю ума.

— А как же... рыжая женщина?

— Он не видел ее уже полгода, — вспыхнула она. — Думаете, мне не хватило гордости об этом позаботиться? Неужели вы до сих пор не поняли, что я могу вертеть любым мужчиной как захочу?

Она вздернула подбородок, уподобившись статуе «Пробужденной Франции», но тут же смазала величественную позу, снова прицелившись лимоном.

— Тебя прельщает русский браслет?

— Нет, я просто пытаюсь найти довод, доступный вашему пониманию. И вообще, уйдите, — потребовала она, снова теряя терпение. — Вы же знаете, я решений не меняю. Вы уже три дня изводите меня своим занудством, я скоро с ума сойду. Я не сойду на берег! Не сойду! Слышите? Ни за что!

— Прекрасно, — сказал он. — Но и в Палм-Бич ты не поедешь. Из всех эгоистичных, избалованных, распущенных, невыносимых девчонок, каких я только...

Шмяк! Половинка лимона угодила ему прямо в шею. В ту же секунду с борта донеслось:

— Катер подан, мистер Фарнем!

Не в силах вымолвить ни слова от ярости, мистер Фарнем одарил племянницу испепеляющим взглядом и быстро спустился по трапу.

II

Пять часов вечера скатились с солнечного диска и беззвучно канули в море. Золотое ожерелье на воде расплылось в сверкающий остров; слабый ветерок, игравший бахромой тента и покачивавший одну из голубых туфельек, вдруг принес звуки песни. Это был сложенный мужской хор, звучащий в такт мерным ударам весел по синей глади. Ардита подняла голову и прислушалась.

Ю Морковь и фасоль, Ю Бобы на коленях, Ю Свиньи в морях — Ю Вот везунчики! Ю Ю Дуй, ветерок, Ю Дуй, ветерок, Ю Дуй, ветерок, Ю Раздувай паруса!

Ардита удивленно нахмурила лоб. Не шевелясь, она жадно слушала второй куплет:

Лук и бобы,
Маршаллы, Дины,
Гольдберги, Грины
И Костелло.
Дуй, ветерок,
Дуй, ветерок,
Дуй, ветерок,
Раздувай паруса!

Вскрикнув от изумления, она бросила книгу на палубу, где та распласталась корешком вверх, и подбежала к перилам. В пятидесяти футах покачивалась большая шлюпка с семью пассажирами: шестеро сидели на веслах, а седьмой стоял на корме и отбивал ритм дирижерской палочкой.

Камни да устрицы,
Стружка сносками,
Кто виолончели
Снабдит часами?..

Взгляд дирижера внезапно упал на Ардиту, застывшую у перил от любопытства. Он взмахнул палочкой — и пение мгновенно оборвалось. Девушка разглядела, что он единственный белый в лодке: гребцы были темнокожими.

— Эй, на «Нарциссе»! — вежливо окликнул он.

— К чему эта какофония? — весело поинтересовалась Ардита. — Вы что, сборная окружного сумасшедшего дома по гребле?

К этому времени шлюпка уже притерлась к борту яхты, и дюжий темнокожий детина на носу перегнулся через борт и ухватился за трап. Зачинщик оставил свое место на корме и, прежде чем Ардита успела сообразить, что происходит, взлетел по трапу и, запыхавшись, предстал перед ней на палубе.

— Женщины и дети будут пощажены! — отчеканил он бодро. — Всех плачущих младенцев немедленно утопить, а мужчин заковать в двойные кандалы!

Засунув руки в карманы платья, Ардита уставилась на него, онемев от изумления. Это был молодой человек с надменным ртом и ярко-синими, как у здорового младенца, глазами на смуглом, выразительном лице. Волосы у него были смоляные, влажные и кудрявые — как у греческой статуи, вздумавшей стать брюнетом. Он был ладно сложен, щегольски одет и двигался с грацией ловкого квотербека.

— Черт меня побери! — ошарашенно вырвалось у нее.

Они смирили друг друга холодными взглядами.

— Вы сдаете корабль?

— Это вспышка остроумия? — осведомилась Ардита. — Вы идиот или вас просто принимают в студенческое братство?

— Я спросил, сдаете ли вы корабль.

— Я думала, в стране сухой закон, — презрительно заметила Ардита. — Вы что, лака для ногтей напилась? А ну-ка убирайтесь с яхты!

— Что? — В голосе молодого человека прозвучало искреннее изумление.

— Убирайтесь с яхты! Вы оглохли?

Он помолчал секунду, словно обдумывая ее слова.

— Нет, — протянул его надменный рот. — Нет, я не уйду. Но вы можете уйти, если угодно.

Подойдя к борту, он отдал короткую команду, и экипаж шлюпки мигом вскарабкался по трапу и выстроился перед ним в шеренгу: здоровенный, черный как смоль детина с одного края и крошечный мулат ростом фута четыре и девять дюймов — с другого. Все шестеро были одеты в одинаковые синие костюмы, покрытые пылью, грязью и прорехами; через плечо у каждого висел небольшой, но, судя по виду, увесистый белый мешок, а под мышками они держали большие черные футляры, судя по всему, с музыкальными инструментами.

— Смир-но! — скомандовал молодой человек, четко щелкнув каблуками. — Равнение на-пра-во! Вольно! Бейб, ко мне!

Самый крошечный мулат сделал четкий шаг вперед и отдал честь:

— Да, сэр!

— Принимай командование. Спуститься вниз, связать команду — всех, кроме механика. Его привести ко мне. Да, и сложите мешки вот здесь, у борта.

— Слушаюсь, сэр!

Бейб снова отдал честь, кругом повернулся к остальным пяти и сделал знак подойти. После короткого шепотного совещания все шестеро бесшумно скрылись в трюме.

— А теперь, — весело обратился молодой человек к Ардите, наблюдавшей за этой сценой с ледяным презрением, — если вы поклянетесь честью флэппера — которая, впрочем, вряд ли дорогого стоит, — что продержите этот хорошенький капризный ротик на замке ровно сорок восемь часов, можете плыть к берегу на нашей шлюпке.

— А иначе?

— А иначе отправитесь в открытое море.

С легким вздохом облегчения, словно кризис благополучно миновал, молодой человек опустился в шезлонг, который только что покинула Ардита, и лениво потянулся. Уголки его рта одобрительно дрогнули, когда он оглядел полосатый тент, начищенную медь и роскошное убранство палубы. Взгляд его упал на книгу, а затем на выжатый лимон.

— Хм, — заметил он. — Стоунволл Джексон утверждал, что лимонный сок проясняет мысли. У вас в голове достаточно ясно?

Ардита не удостоила его ответом.

— Потому что ровно через пять минут вам придется принять ясное решение: остаетесь вы или уходите.

Он взял книгу и с любопытством открыл ее.

— «Восстание ангелов». Звучит неплохо. Французская, да? — Он посмотрел на нее с новым интересом. — Вы французенка?

— Нет.

— Как вас зовут?

— Фарнем.

— А имя?

— Ардита Фарнем.

— Что ж, Ардита, нечего стоять столбом и кусать губы. От таких нервных привычек лучше избавляться смолоду. Идите сюда, садитесь.

Ардита достала из кармана резной нефритовый портсигар, извлекла сигарету и закурила с подчеркнутым хладнокровием, хотя и чувствовала, что пальцы слегка дрожат. Затем гибкой, развязной походкой подошла к соседнему шезлонгу, опустилась в него и выпустила струю дыма в тент.

— С этой яхты вы меня не выставите, — твердо произнесла она. — И ума у вас немного, если вы надеетесь уйти далеко. К половине седьмого радиogramмы моего дяди избороздят весь океан.

— Хм.

Она быстро взглянула на его лицо и уловила тень тревоги в едва заметно опустившихся уголках губ.

— Мне-то все равно, — пожала она плечами. — Яхта не моя. Не откажусь от паручасовой прогулки. Я даже одолжу вам эту книжку, чтобы было что почитать на катере таможенной службы по дороге в Синг-Синг.

Он насмешливо расхохотался:

— Можете поберечь советы. Все это — часть плана, составленного задолго до того, как я узнал о существовании этой яхты. Не подвернись она под руку, мы взяли бы следующую из тех, что стоят вдоль побережья.

— Да кто вы такой? — вдруг спросила Ардита. — И чем вы занимаетесь?

— Вы решили не сходить на берег?

— Я даже не думала об этом всерьез.

— В общем и целом нас знают, — сказал он, — всех семерых, как Кертиса Карлайла и его «Шесть темнокожих братьев», бывших артистов «Зимнего сада» и «Полуночных забав».

— Вы музыканты?

— Были ими до сегодняшнего дня. А сейчас, благодаря вот этим белым мешкам, мы — беглецы от правосудия, и если награда за нашу поимку еще не достигла двадцати тысяч долларов, я сильно удивлюсь.

— А что в мешках? — с любопытством спросила Ардита.

— Ну, — протянул он, — пока назовем это грязью... флоридской грязью.

III

Не прошло и десяти минут после беседы Кертиса Карлайла с перепуганным механиком, как яхта «Нарцисс» уже снялась с якоря и взяла курс на юг сквозь мягкие тропические сумерки. Малыш Бейб, пользовавшийся, судя по всему, безграничным доверием Карлайла, полностью взял бразды правления в свои руки. Камердинер мистера Фарнема и кок — единственные члены экипажа на борту, помимо механика, — попытались было оказать сопротивление, но теперь пересматривали свои взгляды, надежно привязанные к койкам внизу. Тромбонист Моуз, самый здоровенный из темнокожих, вооружившись банкой краски, замазывал на носу название «Нарцисс», выводя взамен «Хула-Хула», а остальные собрались на корме и с азартом резались в кости.

Распорядившись подать ужин на палубу к половине восьмого, Карлайл вернулся к Ардите, опустил в шезлонг, полуприкрыл глаза и погрузился в глубокую задумчивость.

Ардита внимательно изучала его — и сразу отнесла к породе романтических натур. Он производил впечатление человека с колоссальной самоуверенностью, воздвигнутой на шатком фундаменте: под внешней решительностью каждого его поступка она угадывала внутреннее колебание, резко контрастировавшее с надменным изгибом его губ.

«Он совсем не похож на меня, — подумала она. — В нем есть какая-то червоточина».

Будучи законченной эгоисткой, Ардита частенько размышляла о себе; поскольку ее эгоизм никто никогда не смел оспаривать, она делала это совершенно естественно, ничуть не теряя своего неоспоримого обаяния. В свои девятнадцать она казалась дерзким, не по годам развитым ребенком, и в нынешнем расцвете юности и красоты все мужчины и женщины, встречавшиеся ей на пути, были лишь щепками в водовороте ее капризов. Она знавала и других эгоистов — надо признать, эгоистичные люди утомляли ее меньше, чем альтруисты, — но до сих пор не нашлось ни одного, кого бы она в конце концов не сломила и не поставила на колени.

Однако, распознав эгоиста в человеке напротив, она не ощутила привычного внутреннего щелчка, означавшего готовность к бою; напротив, интуиция подсказывала ей, что этот человек на редкость уязвим и совершенно беззащитен. Когда Ардита бросала вызов общественным приличиям — а в последнее время это стало ее главным развлечением, — ею двигало страстное желание оставаться самой собой; этот же человек, как ей казалось, был попросту заморожен собственной дерзостью.

Он занимал ее куда больше, чем собственное положение, которое волновало ее не сильнее, чем десятилетнего ребенка волнует поход на дневной спектакль. Она свято верила в свою способность выкрутиться из любых обстоятельств.

Ночь сгущалась. Бледный молодой месяц застенчиво улыбался морю; берег растаял вдали, и пока темные тучи, точно листья, неслись по дальнему горизонту, широкая полоса лунного света вдруг озарила яхту, простелив перед ее форштевнем сверкающую кольчужную дорожку. Время от времени вспыхивала спичка, когда кто-то из них закуривал, но, если не считать глухого рокота двигателей и ровного шума волн за кормой, яхта плыла в тишине, словно сказочный корабль, держащий путь к звездам. Морской ночной воздух окутывал их, принося с собой бесконечную истому.

Наконец Карлайл нарушил молчание:

— Счастливица, — вздохнул он. — Я всю жизнь мечтал быть богатым... и купить всю эту красоту.

Ардита зевнула:

— А я бы лучше побывала на вашем месте.

— Разве что на денек. Хотя надо признать: для флэппера у вас поразительно крепкие нервы.

— Терпеть не могу, когда меня так называют.

— Прошу прощения.

— Что до нервов, — медленно продолжила она, — то это мое единственное достоинство. Я не боюсь ничего на свете — ни на небесах, ни на земле.

— Хм. А я боюсь.

— Чтобы бояться, — отрезала Ардита, — нужно быть либо очень великим и сильным, либо трусом. Я ни то, ни другое. — Она помолчала, и в ее голосе прозвучало нетерпение: — Но я хочу поговорить о вас. Что, черт возьми, вы натворили — и как вам это удалось?

— Зачем вам? — с циничной усмешкой спросил он. — Киносценарий обо мне писать будете?

— Да бросьте, — настаивала она. — Солгите мне при луне. Сочините небылицу.

Появился темнокожий матрос, зажег гирлянду лампочек под тентом и принялся накрывать плетеный стол к ужину. И пока они ели холодную курицу, салат, артишоки и клубничный джем из богатых трюмных запасов, Карлайл заговорил — сперва неохотно, но все с большим жаром, видя ее неподдельный интерес. Ардита едва притронулась к еде, не сводя глаз с его смуглого лица — красивого, ироничного и неуловимо беспомощного.

Он родился в городке в штате Теннесси, рассказывал он, и рос в такой нищете, что их семья была единственной белой на всей улице. Он не помнил среди своих товарищей белых детей — за ним вечно таскалась дюжина темнокожих сорванцов, преданных обожателей, которых он держал в повиновении силой своего воображения и бесконечными передрыганиями, в которые сам же их втягивал и из которых вытаскивал. Судя по всему, эта среда и направила его незаурядный музыкальный дар в причудливое русло.

Там жила темнокожая женщина по имени Белль Поуп Калхун, игравшая на пианино на праздниках для белых детей — тех самых благовоспитанных белых детей, которые проходили мимо Кертиса Карлайла, презрительно задрав нос. Но оборванный мальчишка из «белого мусора» часами просиживал у ее инструмента, пытаясь подобрать альтовую партию на копеечном казу. Не дожив и до тринадцати лет, он уже зарабатывал на хлеб, выжимая зажигательный регтайм из разбитой скрипки в дешевых кабаках Нэшвилла. Восемь лет спустя страну захлестнула лихорадка регтайма, и он повез шестерых темнокожих музыкантов по театрам сети «Орфеум». Пятеро были ребятами, с которыми он вырос; шестым оказался коротышка-мулат Бейб Дивайн, бродяжничавший по нью-йоркским докам, а задолго до того гнувший спину на бермудских плантациях, пока не всадил восьмидюймовый стилет в спину своему хозяину. Не успел Карлайл опомниться, как уже блистал на Бродвее, разрываясь между предложениями и получая больше денег, чем мог вообразить в самых смелых мечтах.

Именно тогда в его отношении к жизни произошел странный, ожесточивший его надлом. Он осознал, что тратит лучшие годы жизни на то, чтобы кривляться на сцене в компании темнокожих. Их номер был хорош в своем роде — три тромбона, три саксофона и флейта Карлайла, — и именно его неповторимое чувство ритма делало всю музыку особенной; но в нем зародилась болезненная стыдливость, он возненавидел саму мысль о выходе на сцену, боялся ее день ото дня.

Они гребли деньги лопатой — каждый новый контракт сулил все большие суммы, — но когда он приходил к антрепренерам и заявлял, что хочет распустить секстет и выступать сольно как классический пианист, те лишь смеялись ему в лицо и крутили пальцем у виска: мол, это верное творческое самоубийство. Позже он горько усмехался при воспоминании об этом выражении — «творческое самоубийство». Его твердили все как один.

С полдюжины раз их приглашали играть на закрытых балах за три тысячи долларов за вечер, и, казалось, именно эти приемы переполнили чашу его отвращения к собственному ремеслу. Они проходили в особняках и клубах, куда днем его не пустили бы и на порог. В конце концов, он был лишь дрессированной обезьянкой, таким хористом высшего разряда.

Его тошнило от самого запаха кулис, от пудры, румян, гримерочной болтовни и снисходительного одобрения из лож. Он больше не мог вкладывать в это душу. Мысль о том, как медленно он приближается к роскоши и праздному досугу, сводила его с ума. Разумеется, он двигался вперед, но, точно ребенок, ел свое мороженое так медленно, что уже не чувствовал вкуса.

Ему хотелось иметь кучу денег, уйму свободного времени, возможность читать и играть в свое удовольствие, и видеть вокруг тех мужчин и женщин, которых он никогда не мог иметь рядом, — тех самых, кто, вспомни они о нем, сочли бы его ничтожеством; словом, он жаждал всего того, что привык объединять под общим понятием аристократизма — аристократизма, который, казалось, можно купить за любые деньги, кроме тех, что добыты его ремеслом. Ему было двадцать пять — без роду, без образования, без малейших надежд на деловую карьеру. Он пустился в отчаянные биржевые спекуляции и за три недели спустил все до последнего цента.

Потом грянула война. Он отправился в учебный лагерь в Платтсбурге, но и там профессия настигла его. Бригадный генерал вызвал его в штаб и объявил, что он принесет больше пользы родине в качестве капельмейстера — так всю войну он и провел, развлекая знаменитостей в тылу во главе штабного оркестра. Это было не худшее время — если не считать того, что, когда пехота хромала назад из окопов, ему нестерпимо хотелось быть одним из них. Грязь и пот на их лицах казались ему еще одним недостижимым символом истинного аристократизма.

— Все решили те частные вечеринки. Когда я вернулся с войны, все снова пошло по накатанной колее. Синдикат отелей во Флориде предложил нам контракт, и дальше все было лишь вопросом времени.

Он замолчал, и Ардита выжидающе посмотрела на него, но он покачал головой:

— Нет, — сказал он. — Я не стану рассказывать подробности. Я слишком наслаждаюсь этим воспоминанием и боюсь расплескать хоть каплю, если поделюсь с кем-то еще. Мне хочется удержать те несколько упоительных, героических секунд, когда я стоял перед ними и дал им понять, что я не просто чертов паясничавший шут.

С бака донеслись тихие звуки песни. Темнокожие собрались на палубе, и их голоса слились в щемящую мелодию, возносившуюся пронзительными гармониями к самой луне. Ардита слушала как зачарованная.

О, вниз...
о, вниз,
Мамочка манит на Млечный Путь,
О, вниз...
о, вниз,
Папочка скажет:
«Завтра-а-а»,
А мамочка скажет:
«Сегодня»,
Да — мамочка скажет:
«Сегодня»!

Карлайл вздохнул и на миг умолк, глядя на россыпь звезд, мерцавших, точно дуговые фонари в теплом небе. Песня перешла в жалобный напев, и казалось, с каждой минутой сияние и великое безмолвие нарастали, пока не послышалось, как русалки совершают свой полуночный туалет — расчесывают под луной серебристые мокрые кудри и перешептываются о прекрасных затонувших кораблях, в которых обитают на опаловых зеленых глубинах.

— Понимаете, — негромко произнес Карлайл, — именно такой красоты я ищу. Красота должна ошеломлять, потрясать — она должна обрушиваться на тебя, как сон, как прекрасные девичьи глаза.

Он повернулся к ней, но ответа не последовало.
— Вы ведь понимаете, Анита... то есть Ардита?
Она снова промолчала. Она уже давно крепко спала.

IV

В густом, залитом солнцем полуденном мареве следующего дня точка в море прямо по курсу неспешно превратилась в серо-зеленый островок: на северной его оконечности высился грандиозный гранитный утес, плавно спускавшийся к югу через целую милю густых зарослей и трав к песчаному пляжу, лениво таявшему в полосе прибоя. Дочитав в своем любимом шезлонге последнюю страницу «Восстания ангелов», Ардита с хлопком закрыла книгу, подняла глаза и, увидев остров, вскрикнула от восторга, окликнув Карлайла, угрюмо стоявшего у борта:

— Это он? Мы плывем сюда?

Карлайл небрежно пожал плечами:

— Понятия не имею. — Он повысил голос и крикнул исполнявшему обязанности капитана мулату: — Эй, Бейб, это твой остров?

Крошечная голова Бейба высунулась из-за угла рубки:

— Так точно, сэр! Он самый.

Карлайл подошел к Ардите.

— Выглядит занятно, правда?

— Да, — согласилась она. — Только он маловат для надежного убежища.

— Вы все еще уповаете на радиogramмы, которыми ваш дядя грозился избороздить океан?

— Нет, — искренне ответила Ардита. — Я целиком на вашей стороне. Мне бы очень хотелось, чтобы вам удалось сбежать.

Он рассмеялся:

— Вы наш талисман. Придется, видимо, оставить вас при себе на счастье — по крайней мере, на первое время.

— Вряд ли вы предложите мне добираться до берега вплавь, — невозмутимо парировала она. — А если вздумаете, я начну строчить бульварные романы на основе той нескончаемой исповеди, которой вы пичкали меня вчера вечером.

Он вспыхнул и слегка подобрался:

— Прошу прощения, если наскучил вам.

— Да нет, вовсе нет... пока под конец не пошли жалобы на то, как вы злились из-за невозможности танцевать с дамами, для которых играли.

Он сердито поднялся:

— У вас чертовски злой язычок.

— Извините, — рассмеялась она, — но я не привыкла, чтобы мужчины изливали мне душу рассказами о своих жизненных устремлениях — особенно если они вели столь убийственно платоническую жизнь.

— Вот как? А чем же мужчины обычно вас развлекают?

— О, они говорят обо мне, — зевнула она. — Твердят, что я — воплощение юности и красоты.

— И что вы им отвечаете?

— Спокойно соглашаюсь.

— И каждый встречный клянется вам в любви?

Ардита кивнула:

— А почему бы и нет? Вся жизнь — это движение к одной-единственной фразе: «Я люблю тебя», а затем бегство от нее.

Карлайл рассмеялся и снова сел:

— Чистая правда. Очень... очень недурно сказано. Сами придумали?

— Да — вернее, открыла на собственном опыте. В этой фразе нет ничего особенного. Просто остроумно.

— Подобные замечания, — серьезно произнес он, — весьма характерны для вашего сословия.

— О боже, — нетерпеливо оборвала она, — только не начинайте снова свою лекцию об аристократии! Я не доверяю людям, способным на пылкие речи в такой ранний час. Это легкая форма помешательства — этаким овсяный психоз. Утро создано для того, чтобы спать, плавать и ни о чем не думать.

Десять минут спустя яхта описала широкую дугу, словно намереваясь обогнуть остров с севера.

— Тут явно какой-то подвох, — задумчиво заметила Ардита. — Не собирается же он бросить якорь прямо под этим утесом?

Они шли прямо на сплошную каменную стену высотой не менее ста футов, и лишь когда до скалы оставалось ярдов пятьдесят, Ардита поняла замысел. Она захлопала в ладоши от восторга: в утесе скрывалась расщелина, замаскированная выступом скалы. Проскользнув в нее, яхта неспешно поплыла по узкому проливу с кристально чистой водой между высокими серыми стенами. А затем они очутились на якоре в миниатюрном мирке из зелени и золота — в золотистой бухте, гладкой, как зеркало, и окаймленной крошечными пальмами; вся картина напоминала зеркальные озера и веточки-деревья, которые дети устраивают в песочницах.

— Чертовски недурно! — восхищенно воскликнул Карлайл. — Похоже, этот черномазый чертенок знает здешние воды как свои пять пальцев.

Его восторг передался и Ардите, она пришла в полное ликование:

— Убежище просто идеальное!

— Ей-богу, да! О таких островах пишут только в книгах.

Шлюпку спустили в золотистую гладь, и они выгребли на берег.

— Пойдемте, — позвал Карлайл, когда они ступили на мягкий песок, — займемся исследованиями.

Пальмовая роща опоясывала милю плоской песчаной равнины. Пройдя ее насквозь на юг и продравшись сквозь полосу тропических зарослей, они вышли на девственный жемчужно-серый пляж, где Ардита сбросила коричневые туфли для гольфа — чулки она, судя по всему, забросила окончательно — и пошла бродить по воде. Затем они не спеша вернулись на яхту, где неутомимый Бейб уже приготовил для них ланч. Он выставил дозорного на высокий северный утес, чтобы следить за морем по обе стороны, хотя и сомневался, что проход в скалах кому-то известен: ему самому этот остров ни на одной карте не попадался.

— А как он называется? — спросила Ардита. — Остров, в смысле?

— Никак не зовется, — усмехнулся Бейб. — Думаю, просто остров, и дело с концом.

Ближе к вечеру они сидели, прислонившись спинами к огромным валунам на вершине утеса, и Карлайл делился своими смутными планами. Он не сомневался, что погоня уже идет по пятам. Общую добычу от провернутого им дела, суть которого он по-прежнему отказывался раскрывать, он оценивал без малого в миллион долларов. Он рассчитывал отсидеться здесь пару недель, а затем двинуться на юг вдаль от торговых путей, обогнуть мыс Горн и взять курс на Кальяо, в Перу. Заботы об угле и провизии он целиком возложил на Бейба, который, похоже, исходил эти моря во всех качествах — от юнги на кофейном паруснике до фактического старпома на бразильском пиратском судне, чьего капитана давным-давно вздернули на рее.

— Родись он белым, давно стал бы королем Южной Америки, — с жаром уверял Карлайл. — По части ума Букер Т. Вашингтон рядом с ним выглядит недоумком. В нем слилась хитрость всех рас и народов, чья кровь течет в его жилах — а там их не меньше полудюжины, чтоб мне провалиться. Он боготворит меня за то, что я единственный человек на свете, который играет регтайм лучше него. Бывало, сидим мы рядышком на пристани в нью-йоркском порту — он

с фаготом, я с гобоем — и выводим минорные африканские лады тысячелетней давности, да так, что крысы сползаются по сваям и рассаживаются вокруг, поскуливая и стеная, прямо как собаки перед граммофоном.

Ардита покатила со смеху:

— Ну и вратъ же вы мастер!

Карлайл ухмыльнулся:

— Клянусь, чистейшая прав...

— А что вы будете делать, когда доберетесь до Кальяо? — перебила она.

— Сяду на корабль до Индии. Хочу стать раджой. Я серьезно. Мой план — забраться куда-нибудь в Афганистан, прикупить дворец и положение в обществе, а лет через пять объявиться в Англии с иностранным акцентом и загадочным прошлым. Но сперва Индия. Знаете, говорят, будто все золото мира постепенно утекает в Индию. Есть в этом что-то завораживающее. И еще я хочу покоя, чтобы читать — читать запоем.

— А потом?

— А потом, — вызывая бросил он, — настанет черед аристократизма. Смейтесь сколько угодно, но вам придется признать: я хотя бы знаю, чего хочу, — в отличие от вас, смею полагать.

— Напротив, — возразила Ардита, потянувшись за портсигаром, — когда мы встретились, все мои друзья и родня стояли на ушах именно потому, что я прекрасно знала, чего хочу.

— И чего же?

— Мужчину.

Он вздрогнул:

— Вы были помолвлены?

— В некотором роде. Если бы вы не захватили яхту, я вчера вечером непременно улизнула бы на берег — боже, как давно это было! — и встретила бы с ним в Палм-Бич. Он ждет меня там с браслетом, который когда-то принадлежал Екатерине Великой. И только не вздумайте бубнить про аристократизм, — поспешно добавила она. — Он нравился мне просто потому, что у него было воображение и абсолютная смелость поступать по-своему.

— Но семья была против, верно?

— То, что от нее осталось: глупый дядюшка да еще более глупая тетка. Видите ли, он влип в какой-то скандал с рыжей девицей по имени Мими... История была страшно раздута, как он уверял, а мужчины мне не врут; да мне и плевать на его прошлое, главное — будущее. А уж о будущем я позабочусь. Когда мужчина влюблен в меня, другие развлечения его не интересуют. Я велела ему бросить ее немедленно, и он бросил.

— Я начинаю ревновать, — нахмурился Карлайл и тут же рассмеялся: — Пожалуй, я продержу вас на борту до самого Кальяо. А там одолжу денег на обратную дорогу в Штаты. К тому времени у вас будет возможность получше обдумать кандидатуру этого джентльмена.

— Не смейте со мной так разговаривать! — вспыхнула Ардита. — Я не потерплю менторского тона ни от кого! Вам ясно?

Он хмыкнул, но тут же осекся и смутился: ее холодный гнев словно обдал его ледяным ветром.

— Простите, — неуверенно выдавил он.

— О, не надо извиняться! Терпеть не могу мужчин, которые говорят «простите» этим своим мужественным, сдержанным тоном. Просто помолчите!

Наступила пауза — для Карлайла весьма неловкая, но Ардиту она, похоже, ничуть не тяготила: она с наслаждением курила сигарету, глядя на сияющее море. Спустя минуту она подползла к краю скалы и легла, свесив голову над обрывом. Глядя на нее, Карлайл подумал, что эта девушка физически не способна принять неловкую позу.

— Ой, смотрите! — воскликнула она. — Там внизу полно каких-то выступов. Широкие уступы на разной высоте!

Он лег рядом, и они вместе посмотрели в головокружительную глубину.

— Сегодня ночью пойдем купаться! — взволнованно объявила она. — При луне.

— Не лучше ли поплавать на южном пляже?

— Ни за что на свете. Я обожаю нырять. Наденете дядин купальный костюм — правда, он будет висеть на вас как мешок из-под картошки, потому что дядя ужасно дряблый. А у меня есть слитный купальник, который привел в шок туземцев по всему атлантическому побережью — от Биддефорд-Пула до Сент-Огастина.

— Вы, должно быть, первоклассный пловец.

— Да, плаваю я отлично. И выгляжу в нем потрясающе. Прошлым летом один скульптор в Рае сказал, что мои икры стоят пятьсот долларов.

На это трудно было что-либо возразить, и Карлайл промолчал, позволив себе лишь незаметную усмешку.

V

Когда на остров опустилась сине-серебряная ночь, они выплыли на шлюпке по мерцающему проливу, привязали ее к выступающей скале и принялись карабкаться на утес. Первый уступ находился в десяти футах над водой — широкий, словно созданный природой для прыжков. Там они и уселись в ярком лунном свете, наблюдая за мерным плеском волн, почти затихших с началом отлива.

— Вы счастливы? — вдруг спросил он.

Она кивнула:

— У моря я всегда счастлива. Знаете, — задумчиво произнесла она, — я весь день думала о том, что мы с вами во многом похожи. Мы оба бунтари — пусть и по разным причинам. Два года назад, когда мне было всего восемнадцать, а вам...

— Двадцать пять.

— ...мы оба были вполне успешны в общепринятом смысле. Я блистала в свете как сногсшибательная дебютантка, а вы были преуспевающим музыкантом, только что получившим офицерские погоны...

— Джентльмен по указу Конгресса, — с иронией вставил он.

— Ну, так или иначе, мы оба вписывались в рамки. Если наши углы и не были сглажены, то мы их старательно втягивали. Но глубоко внутри каждого из нас жило нечто, требовавшее от жизни большего. Я не знала, чего хочу. Я переходила от одного поклонника к другому, меня терзали беспокойство и нетерпение, с каждым месяцем я становилась все менее покладистой и все более разочарованной. Бывало, сяду, кусаю губы и думаю, что схожу с ума — меня преследовало жуткое ощущение быстротечности всего сущего. Мне хотелось всего и сразу — сейчас, сейчас, сейчас! Я была молода, красива... Ведь я красива, правда?

— Да, — осторожно согласился Карлайл.

Ардита внезапно поднялась:

— Погодите секунду. Хочу опробовать это дивное море.

Она подошла к краю уступа и стрелой метнулась над морем, согнулась в воздухе пополам, выпрямилась стрункой и вошла в воду, точно клинок, — безупречный прыжок складным ножом.

Через минуту снизу донесся ее голос:

— Понимаете, я читала запоем дни и ночи напролет. Я возненавидела светское общество...

— Поднимайтесь сюда! — крикнул он. — Что вы там делаете?

— Просто лежу на воде. Сейчас вылезу. Так вот, слушайте! Единственное, что доставляло мне удовольствие, — это шокировать публику: заявиться на костюмированную вечеринку в совершенно немыслимом и чертовски прелестном наряде, пуститься во все тяжкие с самыми беспутными прожигателями жизни Нью-Йорка, влипнуть в какой-нибудь адский скандал...

Плеск воды заглушил ее слова, а затем послышалось ее прерывистое дыхание: она начала взбираться по камням на уступ.

— А теперь вы! — крикнула она.

Повинуясь, он встал и нырнул. Когда он, отфыркиваясь, вынырнул и вскарабкался обратно, Ардиты на первом уступе уже не было, но секундой позже, когда он уже успел испугаться, сверху, с площадки десятью футами выше, донесся ее звонкий смех. Он поднялся к ней, и они замерли бок о бок, обхватив колени руками и слегка запыхавшись от подъема.

— Родня сходила с ума, — неожиданно заговорила она. — Они пытались выдать меня замуж. И когда мне уже начало казаться, что жизнь вообще не стоит того, чтобы жить, я нашла нечто... — Ее глаза торжествующе обратились к небу. — Я нашла спасение!

Карлайл ждал, и слова хлынули из нее бурным потоком:

— Мужество — только и всего; мужество как жизненный закон, как опора на все времена. Я обрела безграничную веру в себя. Я поняла, что во всех моих прежних кумирах меня бессознательно привлекало лишь одно — проявление мужества. Я научилась отделять мужество от всей прочей шелухи. Любое мужество — разбитого в кровь боксера, который снова и снова поднимается на бой (я заставляла мужчин водить меня на боксерские матчи!); отвергнутой обществом женщины, шествующей сквозь стаю сплетниц и смотрящей на них как на грязь под ногами; смелость любить то, что любишь, всегда; полное презрение к чужому мнению — просто жить так, как хочется, и умереть по-своему... Вы захватили сигареты?

Он протянул ей сигарету и бережно поднес спичку.

— И все же, — продолжала Ардита, — мужчины продолжали виться вокруг: старики и юнцы, уступавшие мне и умом, и телом, но все они безумно желали обладать мной — завладеть той гордой, великолепной легендой, которую я выстроила вокруг себя. Понимаете?

— Вроде бы. Вы никогда не сдавались и ни перед кем не извинялись.

— Никогда!

Она вскочила на край, на миг замерев против неба, точно распятая фигура, затем, описав темную дугу, без единого всплеска канула меж двух серебряных волн двадцатью футами ниже.

Голос ее вновь долетел до него:

— И мужество для меня означало пробиваться сквозь тусклый серый туман, опускающийся на жизнь, — не просто побеждать людей и обстоятельства, но побеждать саму тоску бытия. Это утверждение ценности жизни и каждого ее мимолетного мгновения!

Она уже карабкалась наверх, и при последних словах ее голова с мокрыми золотистыми волосами, гладко зачесанными назад, показалась на уровне его глаз.

— Все это прекрасно, — возразил Карлайл. — Вы называете это мужеством, но в основе вашего мужества лежит всего лишь гордость происхождения. Вас с колыбели учили этому вызову. В мои серые дни даже мужество становится блеклым и безжизненным.

Она сидела у самого края, обхватив колени и отрешенно глядя на белую луну; он держался позади, втиснувшись в скальную нишу, словно причудливое изваяние божества.

— Не хочу показаться слащавой оптимисткой, — заговорила она, — но вы меня так и не поняли. Мое мужество — это вера; вера в мою неистребимую стойкость, в то, что радость вернется, вернется надежда и легкость. И я знаю: пока они не вернулись, нужно сжимать зубы, высоко держать подбородок и смотреть в оба — вовсе не обязательно глупо улыбаться. О, я не раз проходила сквозь ад без единого стога — а женский ад куда беспощаднее мужского.

— Но представьте себе, — предположил Карлайл, — что занавес опустится навсегда до того, как вернутся радость и надежда?

Ардита поднялась и, цепляясь за выступы, вскарабкалась на следующий карниз, футах в десяти-пятнадцати выше.

— Что ж, — крикнула она сверху, — тогда я все равно выиграла!

Он подался вперед, чтобы видеть ее.

— Оттуда лучше не прыгать! Спину сломаете, — встревоженно предупредил он.

Она рассмеялась:

— Только не я!

Медленно разведя руки, она замерла, подобно белому лебедю, излучая гордость за свое юное совершенство — и от этого зрелища в сердце Карлайла разлилось тепло.

— Мы полетим сквозь черную тьму, раскинув руки, вытянув ноги стрункой, как дельфиний хвост, и нам покажется, что мы никогда не долетим до серебра внизу, как вдруг оно охватит нас теплом и миллионом ласковых, целующих волн...

Она шагнула в пустоту, и у Карлайла перехватило дыхание. Он и не осознавал, что высота была почти сорок футов. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем донесся глухой, хлесткий звук ее соприкосновения с морем.

И только когда снизу, из воды, по скале взлетел ее легкий смех и коснулся его напряженного слуха, он с облегченным вздохом понял: он любит ее.

VI

Время, которому некуда было спешить, одарило их тремя полуденными днями. Едва солнце заглядывало в иллюминатор каюты Ардиты спустя час после рассвета, она весело вскакивала, надевала купальник и поднималась на палубу. Завидев ее, темнокожие бросали работу и с гомоном и смехом сбегались к бортам, пока она резвилась в прозрачной воде проворной рыбешкой. После полудня, в спасительной прохладе, она снова плавала, а затем бездельничала и курила с Карлайлом на утесе; либо они лежали на песке южного пляжа, почти не разговаривая, и наблюдали, как день красочно и трагично угасает в бесконечной истоме тропических сумерек.

И за эти долгие солнечные часы отношение Ардиты ко всему происходящему как к случайной безумной выходке, веточке романтики в пустыне реальности, постепенно развеялось. Она со страхом ждала минуты, когда он возьмет курс на юг; боялась всех возможных последствий; мысли внезапно стали тягостны, а необходимость решений — омерзительна. Если бы в языческих ритуалах ее души нашлось место молитве, она просила бы лишь об одном: чтобы ее оставили в покое на этом острове, где она могла лениво внимать чистому, искреннему потоку мыслей Карлайла, его пылкому юношескому воображению и той жилке мании величия, что пронизывала весь его характер и окрашивала каждый его поступок.

Впрочем, эта повесть — не просто история о двоих на необитаемом острове и не о любви, рожденной в изоляции. Это столкновение двух личностей, а идиллическая картина среди пальм Гольфстрима — лишь случайная декорация. Большинство из нас довольствуются тем, что живут, размножаются и борются за право делать и то и другое; великая идея, обреченная попытка взять судьбу в свои руки — удел немногих счастливых или безумцев. Для меня самое пленительное в Ардите — это мужество, которое неизбежно потускнеет вместе с ее красотой и юностью.

— Возьмите меня с собой, — сказала она как-то поздно ночью, когда они сидели на траве под сенью раскидистых пальм. Темнокожие вынесли на берег инструменты, и звуки причудливого регтайма тихо плыли на теплом ночном ветру. — Я с удовольствием вернусь через десять лет сказочно богатой знатной индийской дамой.

Карлайл быстро взглянул на нее:

— А ведь вы можете, вы же знаете.

Она рассмеялась:

— Это предложение руки и сердца? Экстренный выпуск! Ардита Фарнем становится невестой пирата! Светская львица похищена грабителем банков!

— Это был не банк.

— А что же? Почему вы не хотите рассказать?

— Не хочу разрушать ваши иллюзии.

— Дорогой мой, у меня нет насчет вас никаких иллюзий.

— Я говорю о ваших иллюзиях насчет самой себя.

Она удивленно вскинула брови:

— Насчет себя? Какое отношение я имею к вашим уголовным подвигам?

— Это мы еще увидим.

Она протянула руку и погладила его ладонь:

— Дорогой мистер Кертис Карлайл, — нежно произнесла она, — вы влюблены в меня?

— Какая разница.

— Огромная — потому что, кажется, я влюблена в вас.

Он одарил ее ироничным взглядом:

— Пополняя январский список до круглой полудюжины? — усмехнулся он. — А что, если я поймаю вас на слове и потребую плыть в Индию?

— Рискнете?

Он пожал плечами:

— Мы можем пожениться в Кальею.

— И какую жизнь вы мне предложите? Я спрашиваю без всякой злости, совершенно серьезно: что станет со мной, если охотники за двадцатью тысячами награды вас настигнут?

— Я думал, вы ничего не боитесь.

— Я и не боюсь — но я не стану губить свою жизнь только ради того, чтобы доказать одному мужчине свою храбрость.

— Как бы я хотел, чтобы вы были бедной. Простой бедной девчонкой, мечтающей у забора где-нибудь на коровьей ферме.

— И что было бы хорошего?

— Я бы с упоением поражал вас — смотрел бы, как распахиваются от изумления ваши глаза. Если бы вы только умели желать простых вещей! Понимаете?

— Понимаю... как девчонки, которые глазают на витрины ювелирных лавок.

— Вот именно! И мечтают о больших платиновых часах с бриллиантами по ободку. Но вы бы решили, что они слишком дороги, и выбрали серебряные за сотню долларов. А я бы сказал: «Дорогие? Ни капли!» Мы вошли бы в магазин, и через минуту платиновые часики уже сверкали бы на вашем запястье.

— Звучит так пошло... и так упоительно, правда? — прошептала Ардита.

— Правда ведь? Представляете, как мы путешествовали бы, сорили деньгами направо и налево, а коридорные и официанты смотрели бы на нас как на богов? О, блаженны простые богачи, ибо они наследуют землю!

— Честное слово, я бы хотела, чтобы все было именно так.

— Я люблю вас, Ардита, — тихо сказал он.

Ее лицо на миг утратило детскую беспечность и стало странно серьезным.

— Мне хорошо с вами, — призналась она. — Лучше, чем с любым мужчиной, какого я знала. И мне нравится ваше лицо, ваши темные волосы и то, как ловко вы перемахиваете через фальшборт, когда мы сходим на берег. На самом деле, Кертис Карлайл, мне нравится в вас абсолютно все, когда вы остаетесь самим собой. Мне кажется, у вас есть смелость, а вы знаете, как я это ценю. Иногда, когда вы рядом, мне до смерти хочется поцеловать вас и сказать, что вы просто мальчишка-идеалист, забивший себе голову сословной чепухой. Будь я хоть чуточку старше и чуточку более разочарована в жизни, я бы поехала с вами. Но... думаю, я вернусь и выйду замуж за того, другого.

По ту сторону серебряного озера фигуры музыкантов извивались и металась в лунном свете, точно акробаты, которые слишком долго сидели без дела и теперь крутят сальто от избытка сил. Они маршировали цепочкой, сплетаясь в концентрические круги, то запрокидывая головы, то склоняясь над инструментами, как играющие фавны. И тромбоны с саксофонами непрерывно выводили причудливую полифонию — то буйную и ликующую, то заунывную и призрачную, точно погребальная пляска из самого сердца Конго.

— Потанцуем! — воскликнула Ардита. — Я не могу сидеть смиренно под этот божественный джаз.

Взяв ее за руку, он вывел ее на широкую полосу утоптанного песка, залитую ослепительным лунным светом. Они заскользили по нему, точно кружащиеся ночные мотыльки, и пока фантастическая симфония плакала, ликовала, дрожала и тосковала, последнее чувство реальности покинуло Ардиту. Она отдала воображение на волю дурманящих ароматов тропических цветов и бездонных звездных просторов над головой, чувствуя: если она сейчас откроет глаза, то непременно окажется танцующей с призраком в стране собственных грез.

— Вот это я понимаю — закрытый вечер для избранных, — прошептал он.

— Я чувствую себя совершенно сумасшедшей... но это упоительное безумие!

— Мы заколдованы. Тени бесчисленных поколений каннибалов взирают на нас вон с той скалы.

— Могу поспорить, людоедки уже ворчат, что мы танцуем слишком близко друг к другу и что с моей стороны было верхом неприличия явиться без кольца в носу.

Они тихо рассмеялись — но смех тут же замер на губах: над озером тромбоны оборвали мелодию на полутакте, саксофоны испуганно взвыли и смолкли.

— В чем дело? — крикнул Карлайл.

После минутного молчания они различили темный силуэт человека, бегущего вокруг озера. Силуэт приблизился, и они узнали в нем крайне взволнованного Бейба. Запыхавшись, он выпалил новость на одном дыхании:

— Корабль подошел к берегу, сэр, в полумиле стоит. Моуз был на часах, говорит, похоже, на якорь встал.

— Корабль? Какой корабль? — встревоженно потребовал ответа Карлайл.

В его голосе сквозило смятение, и сердце Ардиты болезненно сжалось при виде того, как разом поникло все его лицо.

— Не знает он, сэр.

— Шлюпки спускают?

— Никак нет, сэр.

— Поднимемся наверх, — решил Карлайл.

Они поднимались на утес в полном молчании; рука Ардиты по-прежнему лежала в ладони Карлайла, как во время танца. Она чувствовала, как его пальцы судорожно сжимаются, словно он забыл о ее руке, но, хоть ей и было больно, не пыталась высвободиться. Казалось, прошел целый час, прежде чем они добрались до вершины и ползком пересекли плато, подбираясь к краю обрыва. Одного взгляда вниз Карлайлу хватило, чтобы сдавленно вскрикнуть. Это был таможенный сторожевой катер с шестидюймовыми орудиями на носу и на корме.

— Они знают! — выдохнул он сквозь зубы. — Они все знают! Они где-то напали на след.

— Вы уверены, что они знают про проход? Может, они просто встали на якорь, чтобы осмотреть остров утром? Оттуда им не разглядеть расщелину в скале.

— В бинокль разглядят, — безнадежно бросил он и взглянул на часы: — Уже почти два. До рассвета они ничего предпринимать не станут, это точно. Конечно, остается слабая надежда, что они ждут подкрепления... или угольщика.

— Полагаю, нам лучше остаться здесь.

Шли часы, и они лежали рядом, не проронив ни слова, подперев подбородки ладонями, точно спящие дети. Позади сидели темнокожие — терпеливые, покорные, безучастные; их раскатистый храп время от времени напоминал о том, что даже смертельная опасность не в силах побороть неодолимую тягу их натуры ко сну.

Около пяти утра к Карлайлу подошел Бейб. На борту «Нарцисса» есть полдюжины винтовок, сообщил он. Сдаемся без боя? Но если все рассчитать, мы вполне могли бы потягаться с ними.

Карлайл усмехнулся и покачал головой:

— Это тебе не шайка контрабандистов, Бейб. Это военный корабль. Пытаться драться с ними — все равно что идти с луком и стрелами против пулемета. Если хочешь закопать мешки и рискнуть забрать их позже — валяй. Но толку не будет: они перероят весь остров от края до края. Мы проиграли, Бейб.

Бейб молча склонил голову и отошел. Голос Карлайла дрогнул, когда он повернулся к Ардите:

— Это лучший друг, какой у меня когда-либо был. Он умер бы за меня и гордился бы этим, если б я позволил.

— Вы сдаетесь?

— У меня нет выбора. Конечно, всегда остается один выход — верный способ... но это подождет. Я ни за что на свете не пропущу суд над собой — это будет занятный опыт всенародной славы. «Мисс Фарнем свидетельствует, что предводитель пиратов во всех обстоятельствах вел себя как истинный джентльмен».

— Не надо, — попросила она. — Мне ужасно жаль.

Когда краски на небе поблекли и глубокая синева сменилась свинцово-серым рассветом, на палубе сторожевика началось движение: у борта показалась группа офицеров в белых кителях. Вооружившись биноклями, они пристально разглядывали утес.

— Все кончено, — мрачно произнес Карлайл.

— Черт, — прошептала Ардита. Она почувствовала, как к глазам подступают слезы.

— Вернемся на яхту, — сказал он. — Уж лучше так, чем если нас выкурят отсюда, как опоссумов.

Покинув плато, они спустились к озеру, и притихшие темнокожие доставили их на яхту. Там, бледные и измученные, они опустились в шезлонги и стали ждать.

Полчаса спустя в расщелине скал показался нос шлюпки с таможенного катера. Она замедлила ход — офицеры явно опасались мелководья. Судя по безмятежному виду яхты, по фигурам мужчины и девушки в шезлонгах и темнокожим, лениво глазевшим с перил, военные поняли, что сопротивления не будет: на воду спустили два баркаса. В одном сидели офицер и шестеро матросов, во втором — четверо гребцов, а на корме — двое седовласых джентльменов в яхтенных фланелевых костюмах. Ардита и Карлайл поднялись и безотчетно шагнули навстречу друг другу.

Вдруг он замер, сунул руку в карман, извлек круглый сверкающий предмет и протянул ей.

— Что это? — изумилась она.

— Я не уверен до конца, но, судя по русской надписи внутри, это ваш обещанный браслет.

— Откуда... откуда он у вас?!

— Из одного из тех белых мешков. Видите ли, Кертис Карлайл и его «Шесть темнокожих братьев» прямо посреди выступления в чайном салоне отеля в Палм-Бич внезапно сменили инструменты на кольты и обчистили публику. Этот браслет я снял с хорошенькой, чересчур накрашенной рыжей дамочки.

Ардита нахмурилась, но тут же расплылась в улыбке:

— Так вот что вы провернули! А вы дерзкий нахал!

Он отвесил поклон:

— Общеизвестная буржуазная добродетель.

И в этот миг рассвет стремительно полоснул по палубе, загнав тени по серым углам. Роса поднялась и обратилась золотым туманом, тонким, как сон; он окутал их обоих, превратив в призрачные реликвии ушедшей ночи — бесконечно эфемерные, уже тающие без следа. На мгновение море и небо затаили дыхание, и заря коснулась розовой ладонью юных уст жизни; а затем со стороны бухты донесся скрип уключин и плеск весел.

И внезапно на фоне пылающего горна на востоке две их изящные фигуры слились воедино, и он прильнул поцелуем к ее капризному юному рту.

— Это какое-то торжество... — прошептал он секунду спустя.

Она улыбнулась ему:

— Счастливы?

Ее вздох прозвучал как благословение — упоительная уверенность в том, что она и есть сама юность и красота, полнее которых ей уже не суждено познать. Еще на одно краткое мгно-

вание жизнь была лучезарна, время казалось призраком, а их силы — вечными; но затем раздался глухой стук: шлюпка притерлась к борту.

По трапу поднялись двое седовласых джентльменов, офицер и двое матросов, держа руки на кобурах револьверов. Мистер Фарнем скрестил руки на груди и уставился на племянницу.

— Так-так, — протянул он, медленно кивая.

Со вздохом ее руки разжались на шее Карлайла, и ее глаза — преображенные, глядящие куда-то сквозь пространство — упали на abordажную команду. Дядя увидел, как ее верхняя губа привычно надулась в знакомой надменной гримасе.

— Так-так, — повторил он с яростью. — Значит, вот оно, твоё представление о... о романтике! Побег с морским пиратом!

Ардита смерила его небрежным взглядом:

— Какой же вы старый дурак! — спокойно бросила она.

— И это все, что ты можешь сказать в своё оправдание?

— Нет, — произнесла она с расстановкой. — Пожалуй, есть кое-что ещё. Та самая знаменитая фраза, которой я заканчивала почти все наши разговоры последние пару лет: «Заткнитесь!»

С этими словами она обвела обоих стариков, офицера и матросов ледяным взглядом, полным презрения, и гордо прошествовала вниз по трапу.

Но задержись она хоть на секунду, она услышала бы звук, совершенно нетипичный для их бесед с дядей: мистер Фарнем от души, весело и раскатисто расхохотался. Второй джентльмен тут же присоединился к нему.

Затем второй старик живо повернулся к Карлайлу, наблюдавшему за происходящим с видом сдержанного лукавства:

— Ну что, Тоби, — добродушно проговорил он, — неисправимый ты романтик, ловец радуг, убедился, что нашел именно ту, кого искал?

Карлайл самоуверенно улыбнулся:

— Разумеется! Я был уверен в этом с той самой минуты, как впервые услышал о ее безумных выходках. Потому-то я и велел Бейбу выпустить ракету прошлой ночью.

— И слава богу, — серьезно заметил полковник Мореленд. — Мы держались поблизости — на случай, если у тебя возникнут неприятности с этой шестеркой незнакомых темнокожих. Да и надеялись застать вас в какой-нибудь столь же компрометирующей ситуации, — вздохнул он. — Что ж: чтобы поймать безумца, нужен другой безумец!

— Мы с твоим отцом всю ночь глаз не сомкнули, надеясь на лучшее... ну, или на худшее. Видит бог, мальчик мой, забирай ее с чистой совестью! Она свела меня с ума. Ты отдал ей русский браслет, который мой сыщик вытряс из этой девицы Мими?

Карлайл кивнул.

— Тс-с! — шикнул он. — Она поднимается на палубу.

Ардита появилась на верхней ступеньке трапа и бросила беглый, невольный взгляд на запястья Карлайла. На ее лице мелькнуло недоумение: кандалов не было. На корме темнокожие снова затянули песню, и прохладное озеро, умытое рассветом, безмятежно вторило их низким голосам.

— Ардита, — неуверенно позвал Карлайл.

Она сделала шаг к нему.

— Ардита, — выпалил он на одном дыхании, — я должен сказать тебе... правду. Все это было спектаклем, Ардита. Меня зовут не Карлайл. Я Тоби Мореленд. Вся эта история выдумана от начала до конца — высосана из теплого флоридского воздуха.

Она уставилась на него, ошеломленная; изумление, недоверие и гнев сменяли друг друга на ее лице. Трое мужчин затаили дыхание. Мореленд-старший шагнул вперед; мистер Фарнем приоткрыл рот, в панике ожидая неминуемой бури.

Но бури не последовало. Лицо Ардиты вдруг озарилось сиянием, и с легким смехом она стремительно подошла к юному Мореленду, снизу вверх заглянув ему в глаза без тени гнева во взгляде.

— Ты поклянешься, — тихо спросила она, — что все это порождение твоего собственного ума?

— Клянусь! — горячо отозвался молодой Мореленд.

Она притянула его голову к себе и нежно поцеловала:

— Какое воображение! — прошептала она с восторгом и едва ли не с завистью. — Я хочу, чтобы ты так же сладко лгал мне до конца моих дней.

Голоса музыкантов сонно плыли над водой, повторяя напев, который она уже слышала:

Время — воришка;
Радость и горе
Жмутся к листу,
Пока он желтеет...

— А что было в мешках? — тихонько спросила она.

— Флоридская грязь, — ответил он. — Это была одна из двух правдивых вещей, которые я тебе сказал.

— Кажется, о второй я догадываюсь сама, — улыбнулась она и, привстав на цыпочки, нежно поцеловала его — прямо как на журнальной иллюстрации.

Ледяной дворец

I

Солнечный зной струился по стенам дома, словно золотая глазурь по расписной вазе, а редкие пятна теней лишь сгущали слепящую силу этой световой купели. Соседние особняки Баттервортов и Ларкинов укрывались за плотным строем вековых кряжистых деревьев; один только дом Хэпперов безропотно принимал на себя весь зной и с кротким, снисходительным терпением круглые сутки смотрел на пыльную улицу. Шел сентябрьский день в городке Тарлтон на самом юге Джорджии.

Наверху, в окне своей спальни, девятнадцатилетняя Салли Кэрол Хэппер оперлась подбородком на пятидесятидвухлетний подоконник и наблюдала, как из-за угла вырывается древний «форд» Кларка Дэрроу. Машина раскалилась докрасна — будучи наполовину металлической, она впитывала и удерживала в себе все мыслимое тепло, — а сам Кларк Дэрроу, сидевший за рулем неестественно прямо, выглядел так страдальчески и напряженно, будто считал себя хрупкой запасной деталью, готовой вот-вот лопнуть. С трудом преодолев две пыльные колеи под возмущенный визг колес, он с устрашающей гримасой сделал прощальный рывок рулем и доставил себя вместе с авто примерно к крыльцу Хэпперов. Раздался натужный всхлип, предсмертный хрип мотора, на миг воцарилась тишина, а затем пыльный воздух прорезал оглушительный свист.

Салли Кэрол сонно глянула вниз. Она попыталась было зевнуть, но, поняв, что для этого придется оторвать подбородок от подоконника, передумала и продолжила молча разглядывать автомобиль, чей хозяин с подчеркнутой, пусть и показной готовностью замер в ожидании ответа на свой сигнал. Спустя мгновение свист снова рассек неподвижный воздух.

— Доброе утречко!

Кларк с усилием развернул свое долговязое тело и бросил на окно скорбный взгляд:

— Уже не утро, Салли Кэрол.

— Неужто?

— Ты чем там занята?

— Яблоко ем.

— Поехали купаться — хочешь?

— Пожалуй.

— Может, поторопишься?

— Сию минуту.

Салли Кэрол шумно вздохнула и с непреодолимой ленью поднялась с пола, где до этого поочередно то откусывала куски от зеленого яблока, то раскрашивала бумажных кукол для младшей сестренки. Подойдя к зеркалу, она оглядела свое отражение с ленивым и довольным самолюбованием, мазнула губы помадой, припудрила кончик носа и надела на коротко стриженные волосы цвета спелой ржи соломенную шляпку с отделкой из роз. Затем опрокинула ногой баночку с водой для красок, протянула: «Вот черт!», но так и оставила лужу высыхать и выплыла из комнаты.

— Как поживаешь, Кларк? — поинтересовалась она минуту спустя, ловко перемахнув через борт дребезжащей машины.

— Лучше не бывает, Салли Кэрол.

— Куда поедем плавать?

— На Уоллис-Пул. Я обещал Мэрилин, что мы заедем за ней и Джо Юингом.

Кларк был смугл, худощав и, когда ходил пешком, заметно сутулился. У него был сумрачный взгляд и слегка капризное выражение лица, преобразившееся лишь в те частые мгновения, когда его озаряла ослепительная улыбка. Кларк имел «свой доход» — ровно столько, чтобы жить безбедно и заправлять машину бензином; и вот уже два года, минувшие со дня окончания Технологического института Джорджии, он слонялся по сонным улочкам родного города, рассуждая о том, как бы выгоднее вложить капитал, чтобы сколотить мгновенное состояние.

Прожигать жизнь здесь было совсем не трудно: целая ватага хорошеньких девчонок незаметно расцвела, и потрясающая Салли Кэрол была среди них первой красавицей; они обожали купаться, танцевать и выслушивать любовные признания теплыми благоухающими вечерами — и все они души не чаяли в Кларке. А когда женское общество приедалось, всегда находилось с полдюжины приятелей, которые вечно собирались «вот-вот взяться за дело», а пока с удовольствием составляли ему компанию на поле для гольфа, за партией в бильярд или за распитием кварты «крепкого желтого пойла». Время от времени кто-нибудь из сверстников наносил прощальные визиты перед отъездом в Нью-Йорк, Филадельфию или Питтсбург, чтобы заняться коммерцией, но большинство так и оставалось в этом истомном раю с мечтательными небесами, вечерами со светлячками, шумными ярмарками темнокожих и, главное, с прелестными, нежноголосыми девушками, которых воспитывали не на деньгах, а на фамильных воспоминаниях.

«Форд» с натугой вернулся к беспокойной, нервной жизни, и Кларк с Салли Кэрол покатили, громыхая, по Вэлли-авеню на Джефферсон-стрит, где пыльная грунтовка сменилась мостовой; затем мимо усыпляющего Миллисент-плейс с его полудюжиной солидных, респектабельных особняков — прямо в деловую часть городка. Ехать здесь было рискованно: начиналось время покупок; горожане лениво переходили улицу прямо перед капотом, а перед невозмутимо ползущим трамваем погонщик неспешно гнал уныло мычащих волов; даже лавки, казалось, лишь зевали распахнутыми дверями и моргали стеклами на солнцепеке, прежде чем окончательно впасть в блаженную кому.

— Салли Кэрол, — неожиданно спросил Кларк, — правда, что ты помолвлена?

Она быстро вскинула на него глаза:

— С чего ты взял?

— Так правда или нет?

— Вот еще новости!

— Мне тут одна девушка сказала, будто ты обручилась с каким-то янки, с которым познакомилась прошлым летом в Эшвилле.

Салли Кэрол вздохнула:

— Вечно в этом городишке распускают сплетни.

— Не выходи за янки, Салли Кэрол. Ты нужна нам здесь.

Она помолчала.

— Кларк, — вдруг спросила она, — а за кого мне, по-твоему, выходить?

— Предлагаю свою скромную персону.

— Милый, тебе жену не прокормить, — весело отозвалась она. — Да и знаю я тебя слишком хорошо, чтобы влюбиться.

— Это еще не повод высказывать за янки, — упорствовал он.

— А если я его люблю?

Он покачал головой:

— Не верю. Он ведь совсем другой, во всем не похож на нас.

Он замолчал, затормозив перед обветшалым, запущенным особняком. В дверях показались Мэрилин Уэйд и Джо Юинг.

— Привет, Салли Кэрол!

— Привет!

— Как поживаете?

— Салли Кэрол, — выпалила Мэрилин, едва машина тронулась, — ты правда помолвлена?

— Господи помилуй, да откуда вы все это берете? Стоит мне взглянуть на мужчину, как весь город меня за него замуж выдает!

Кларк пристально смотрел перед собой — на дребезжащий болт ветрового стекла.

— Салли Кэрол, — с неожиданной горечью произнес он, — разве тебе не нравятся... наши?

— Что?

— Мы здесь, на Юге?

— Кларк, ну что за глупости! Конечно нравятся. Я обожаю вас всех.

— Зачем тогда обручаться с янки?

— Кларк, я и сама не знаю. Не уверена, что из этого выйдет, но... словом, мне хочется путешествовать, видеть других людей. Хочется расти. Хочется жить там, где все вертится по настоящему, с размахом.

— В каком смысле?

— Ох, Кларк, я люблю тебя, люблю Джо, и Бена Аррота, и всех наших мальчиков, но ведь вы... вы же...

— Мы все неудачники?

— Да. И дело не только в деньгах — просто вы какие-то... неприкаянные, печальные... ох, как бы тебе объяснить?

— Хочешь сказать — потому что мы сидим сиднем в Тарлтоне?

— Да, Кларк. И потому, что вам здесь нравится, вы не хотите ничего менять, не хотите думать о будущем, стремиться вперед.

Он кивнул, и она, потянувшись, сжала его руку:

— Кларк, — мягко сказала она, — я ни за что на свете не хотела бы видеть тебя другим. Ты прелесть такой, какой есть. И все то, из-за чего ты останешься неудачником, я буду любить всегда: эту жизнь прошлым, эти сонные дни и ночи, твою беспечность и благородство.

— И все-таки ты уедешь?

— Да — потому что за тебя я никогда не смогла бы выйти. В моем сердце у тебя особое место, туда больше никому нет хода, но останься я здесь на привязи — я бы извелась. Чувствовала бы, что растрчиваю себя впустую. Понимаешь, во мне живут две разные натуры. Одна — ленивая и сонная, которую ты так любишь, а другая — неумная энергия, та сила, что толкает меня на сумасбродства. Вот эта часть меня, может, и пригодится где-то там, она останется со мной, когда я потеряю красоту.

Она осеклась с привычной внезапностью и, резко сменив настроение, вздохнула: «Ох, радость моя сладкая!»

Полуприкрыв глаза и запрокинув голову на спинку сиденья, она подставила лицо свежему ветру, игравшему золотистыми завитками ее коротких волос. Они уже выехали за город и мчались среди буйных зарослей ярко-зеленого кустарника, трав и высоких деревьев, чьи раскидистые кроны дарили дороге прохладную тень. То и дело попадалась покосившаяся бревенчатая хижина, возле двери которой курил трубку из кукурузного початка седой темнокожий старик, а на заросшей лужайке перед домом полдюжины полуголых темнокожих ребятишек нянчили тряпичных кукол. Дальше потянулись ленивые хлопковые поля, где сами сборщики казались бесплотными тенями, одолженными солнцем земле не ради тяжелого труда, а ради соблюдения векового ритуала на золотых сентябрьских равнинах. И над всей этой сонной живописностью, над деревьями, лачугами и мутными реками струился зной — нико-

гда не враждебный, лишь убаюкивающий, точно теплое материнское лоно, питающее младенца-землю.

— Салли Кэрол, приехали!

— Бедняжка совсем уснула.

— Милая, ты что, умерла от чистой лени?

— Вода, Салли Кэрол! Свежая водичка зажалась!

Она сонно приоткрыла глаза.

— Привет! — пробормотала она с улыбкой.

II

В ноябре Гарри Беллами — высокий, широкоплечий, деятельный — приехал из своего северного города на четыре дня. Он намеревался окончательно уладить дело, тянувшееся с тех самых пор, как они с Салли Кэрол познакомились в Эшвилле, в Северной Каролине, в разгар лета. Дело решилось за один тихий день и один вечер у жаркого камина: у Гарри Беллами было все, о чем она мечтала; к тому же она любила его — любила той гранью своей души, которую берегла исключительно для любви. А граней у Салли Кэрол было несколько, и весьма отчетливых.

В последний день перед его отъездом они отправились на прогулку, и ноги сами собой привели их к одному из ее любимых мест — на старое кладбище. Когда оно показалось впереди, серо-белое и золотисто-зеленое в лучах ласкового предзакатного солнца, она нерешительно замерла у кованых ворот.

— Ты по натуре склонен к меланхолии, Гарри? — спросила она с легкой улыбкой.

— К меланхолии? Ни капли.

— Тогда пойдем внутрь. На некоторых это место нагоняет тоску, а мне нравится.

Они вошли в калитку и пошли по тропинке, петлявшей среди холмистого моря могил: пыльно-серых и замшелых — эпохи пятидесятих годов; причудливо украшенных резьбой с цветами и урнами — семидесятых; вычурных и уродливых — девяностых, с пухлыми мраморными херувимами, спавшими мертвым сном на каменных подушках, и нелепыми гранитными букетами неведомых растений.

Изредка им попадались коленопреклоненные фигуры, принесшие цветы в знак памяти, но над большинством холмиков царили безмолвие и увядшая листва, хранившие лишь тот слабый аромат, который пробуждают в живых смутные воспоминания.

Они поднялись на вершину холма, где их встретила высокая округлая надгробная плита, испещренная темными пятнами сырости и наполовину заросшая плющом.

— «Марджери Ли», — прочла она. — «1844–1873». Какая она была милая, правда? Умерла в двадцать девять лет. Дорогая Марджери Ли, — тихо добавила она. — Ты видишь ее, Гарри?

— Да, Салли Кэрол.

Он почувствовал, как маленькая ладошка скользнула в его руку.

— Она наверняка была брюнеткой, вплетала в волосы ленту и носила пышные кринолины цвета вечерней лазури или увядшей розы.

— Наверное.

— Ах, какая она была прелестная, Гарри! Из тех девушек, что рождены встречать гостей на широком крыльце с белыми колоннами. Думаю, многие мужчины уходили на войну, мечтая вернуться к ней; но, может, ни один так и не вернулся.

Он наклонился к камню, высматривая упоминание о замужестве:

— Здесь ничего не сказано.

— Ну конечно. Разве может быть что-то прекраснее, чем просто «Марджери Ли» и эти две даты?

Она прижалась к нему, и к его горлу подкатил внезапный комок, когда золотистые волосы девушки коснулись его щеки.

— Ты понимаешь, какой она была, Гарри?

— Понимаю, — мягко согласился он. — Я вижу ее твоими чудесными глазами. Ты сейчас так прекрасна, что и она не могла быть иной.

Они стояли молча, тесно прижавшись друг к другу, и он чувствовал, как слегка вздрагивают ее плечи. Легкий ветерок взбежал на холм и шевельнул поля ее мягкой шляпы.

— Пойдем туда, вниз!

Она указала на плоскую низину по другую сторону холма, где на зеленом дерне ровными, бесконечными рядами белела тысяча сероватых крестов, напоминавших сложенное в пирамиды оружие батальона.

— Здесь лежат солдаты Конфедерации, — просто сказала Салли Кэрол.

Они медленно шли вдоль рядов, читая надписи: везде только имя и дата, порой совершенно стершиеся от времени.

— Последний ряд самый печальный — вон там, видишь? На каждом кресте только дата и слово «Неизвестный».

Она взглянула на него; глаза ее были полны слез.

— Я не смогу объяснить, насколько все это для меня живо, дорогой... если ты сам не чувствуешь.

— То, как ты это чувствуешь, кажется мне прекрасным.

— Нет-нет, дело не во мне, дело в них — в том ушедшем времени, которое я стараюсь сохранить в себе. Это были простые люди, безвестные, иначе на крестах были бы имена; но они погибли за самое прекрасное, что только было на свете, — за павший Юг. Понимаешь, — продолжала она сдавленным голосом, смахивая слезы, — у каждого есть мечты, которые он связывает с чем-то дорогим, и я выросла с этой мечтой. Это было так легко: ведь все уже умерло, и меня не ждали никакие разочарования. Я старалась хоть отчасти жить по тем старинным законам чести и благородства — от них ведь остались лишь крупички, точно лепестки роз в увядающем саду: странная учтивость и рыцарство наших мальчиков, да рассказы старого ветерана Конфедерации, жившего по соседству, да воспоминания старых темнокожих слуг. Ох, Гарри, там было нечто великое, правда было! Я не сумею тебе объяснить, но оно существовало!

— Я понимаю, — снова тихо заверил он.

Салли Кэрол улыбнулась и отерла слезы уголком платка, торчавшим из его нагрудного кармана.

— На тебя это не нагоняет тоску, любимый? Даже когда я плачу здесь, я счастлива, я черпаю в этом какую-то внутреннюю силу.

Взявшись за руки, они медленно побрели прочь. Найдя мягкую траву, она потянула его за собой, и они сели, прислонившись спинами к остаткам полуразрушенной каменной ограды.

— Хоть бы эти три старухи убрались наконец, — проворчал он. — Я хочу поцеловать тебя, Салли Кэрол.

— Я тоже хочу.

Они с нетерпением дождались, пока три сгорбленные фигуры скроются из виду, и тогда она поцеловала его так, что небо словно растворилось, а все ее печали и улыбки растаяли в упоении бесконечных секунд.

Позже они не спеша возвращались в город, пока сумерки играли на перекрестках в сонливые черно-белые шашки с уходящим днем.

— Ты приедешь в середине января, — говорил он, — и останешься как минимум на месяц. Будет здорово. У нас как раз откроется зимний карнавал, а если ты толком не видела снега, это покажется тебе настоящей сказкой. Будем кататься на коньках, на лыжах, на тобогганах, на санях, устроим факельные шествия на снегоступах! Такого карнавала у нас не было уже много лет, так что зрелище будет потрясающее.

— Я не замерзну, Гарри? — вдруг спросила она.

— Конечно нет! Разве что нос прихватит, но пронизывающего холода не будет. У нас мороз сухой и крепкий, понимаешь?

— Наверное, я дитя лета. Я терпеть не могу холод — во всяком случае, тот, какой мне доводилось видеть.

Она замолчала, и с минуту они шли без слов.

- Салли Кэрол, — очень медленно произнес он, — что ты скажешь насчет... марта?
- Я скажу, что люблю тебя.
- Значит, в марте?
- В марте, Гарри.

III

В пульмановском вагоне всю ночь стоял лютый холод. Она позвонила проводнику, прося второе одеяло, но когда выяснилось, что лишних нет, попыталась забиться в самый угол полки и, подоткнув постель, урвать хоть пару часов сна: утром ей хотелось выглядеть наилучшим образом.

Она встала в шесть и, поеживаясь, натянула одежду, после чего, спотыкаясь, побрела в вагон-ресторан выпить чашку кофе. Снег намело в тамбуры, и ступени покрылись скользкой ледяной коркой. В этом холоде было нечто манящее — он проникал повсюду. Из рта вырывался густой пар, и она принялась с детским восторгом выдувать его в воздух. Усевшись за столик, она смотрела в окно на белые холмы, долины и редкие сосны, чьи ветви напоминали зеленые блюда, нагруженные сугробами для морозного пира. Иногда мимо проносилась одинокая ферма — неказистая, унылая и потерянная среди белой пустыни; и всякий раз Салли Кэрол обдавало волной зябкой жалости к душам, запертым там в ожидании весны.

Выйдя из вагона-ресторана и покачиваясь на пути в свое купе, она ощутила внезапный прилив сил и подумала: уж не тот ли это бодрящий воздух, о котором толковал Гарри? Это был Север, Север — отныне ее земля!

Вейте, ветры, дуйте вдаль!
Я уеду, мне не жаль!

— победоносно напевала она про себя.

— Что прикажете, мэм? — вежливо осведомился проводник.

— Я сказала: почистите мне пальто.

Длинные провода на столбах раздвоились, рядом с поездом легли еще две колеи — три, четыре; замелькали крытые снегом крыши, показался трамвай с заиндеветыми окнами, улицы — еще улицы — и вот он, город.

На морозном перроне она на миг растерянно замерла, пока не увидела трех закутанных в меха людей, спешащих к ней.

— Вот она!

— Салли Кэрол!

Салли Кэрол выронила чемодан:

— Привет!

Смутно знакомое, ледяное лицо прижалось к ее щеке, и в следующий миг она оказалась в окружении лиц, шумно выдыхавших клубы густого пара; начались рукопожатия. Тут был Гордон — невысокий, суевливый мужчина лет тридцати, казавшийся любительской, поношенной копией Гарри, — и его жена Майра, вялая дама с льняными волосами, выбивавшимися из-под меховой автомобильной шапочки. Салли Кэрол тут же мысленно окрестила ее скандинавкой. Веселый шофер подхватил ее багаж, и среди града обрывочных фраз, восклицаний и дежурных вялых «милочка» со стороны Майры они вышли с вокзала.

Затем они уже неслись в закрытом автомобиле по заснеженным улицам, где десятки мальчишек цепляли санки к фургонам зеленщиков и машинам.

— Ой! — вскрикнула Салли Кэрол. — Я тоже так хочу! Можно, Гарри?

— Это для детей. Хотя мы могли бы...

— Похоже на цирк! — с сожалением вздохнула она.

Домом оказался просторный деревянный особняк, утопавший в сугробах; там ее встретили крупный седовласый джентльмен, сразу вызвавший ее симпатию, и дама, похожая на яйцо, которая расцеловала гостью, — это были родители Гарри. Последовал суматошный, не

поддающийся описанию час, наполненный незаконченными фразами, горячей водой, яичницей с беконом и общей неразберихой; а затем она осталась наедине с Гарри в библиотеке, робко спрашивая, можно ли ей закурить.

Это была большая комната с Мадонной над камином и бесконечными рядами книг в светло-золотых, темно-золотых и глянцево-красных переплетах. На спинках всех кресел лежали кружевные салфеточки, диван был всего лишь удобным, книги производили впечатление читанных — отчасти, — и Салли Кэрол мгновенно вспомнила старую, потертую домашнюю библиотеку с огромными отцовскими медицинскими фолиантами, масляными портретами трех двоюродных дедов и древним диваном, который чинили на протяжении сорока пяти лет и на котором было так сладко мечтать. Здешняя комната показалась ей ни привлекательной, ни отталкивающей. Просто комната, набитая довольно дорогими вещами, купленными лет пятнадцать назад.

— Ну, как тебе у нас? — с жаром спросил Гарри. — Удивлена? Ты так все себе представляла?

— Я представляла тебя, Гарри, — тихо ответила она и протянула к нему руки.

Но после короткого поцелуя он словно потребовал от нее бурного восторга:

— Я имею в виду город! Нравится? Чувствуешь, какая бодрость в воздухе?

— Ох, Гарри, — рассмеялась она, — дай мне опомниться! Нельзя же сразу засыпать вопросами.

Она с наслаждением затянулась сигаретой.

— Я хотел тебя кое о чем предупредить, — заговорил он с легким смущением. — Вы, южане, придаете такое значение происхождению, семье... не то чтобы это плохо, но здесь все устроено иначе. Ты заметишь массу вещей, которые с непривычки покажутся тебе ярмаркой тщеславия, Салли Кэрол; но не забывай: нашему городу всего три поколения от роду. У каждого из нас есть отец, примерно у половины — деды. Глубже мы не копаем.

— Конечно, — пробормотала она.

— Наши деды, понимаешь ли, основали этот город, и многим из них на первых порах приходилось браться за довольно странную работу. Например, одна дама, которая сейчас считается первой законодательницей мод в обществе... так вот, ее отец был первым городским золотарем. Ну, и все в таком духе.

— С чего ты взял, — опешила Салли Кэрол, — будто я стану судить людей?

— Вовсе нет, — перебил Гарри, — и я ни перед кем не оправдываюсь. Просто... прошлым летом сюда приезжала одна южанка и наговорила глупостей, вот я и подумал... предупредить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.